

Детектив-любитель Надежда Лебедева

Наталья Александрова

Адрес отправителя – ад

«Автор»

2008

Александрова Н. Н.

Адрес отправителя – ад / Н. Н. Александрова — «Автор»,
2008 — (Детектив-любитель Надежда Лебедева)

Манана, супруга важного московского политика, погибла в автокатастрофе?!
Печально, но факт. И пусть мать жертвы сколько угодно утверждает, что ее дочь убили и в убийстве виноват зять. Плоха теща, которая не хочет сжить зятя со свету! Но почему нити от этого сомнительного «несчастливого случая» тянутся к целому букету опасных преступлений? Как вражда спонсоров двух моделей связана со скандальным убийством на конкурсе красоты? При чем тут кавказская мафия и тибетские маги? Милиция попросту отмахивается от происходящего. И похоже, единственный человек, который понимает, что происходит, – славная, отважная няня Надежда, обладающая талантом прирожденного детектива-любителя...

© Александрова Н. Н., 2008

© Автор, 2008

Содержание

Адрес отправителя – ад	5
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Наталья Александрова

Адрес отправителя – ад

Павел осторожно повернул ключ в замке. Конечно, в его просторном коттедже спальня была далеко от входных дверей, но он знал, какой слух у его жены, какой у нее чуткий сон, и старался не шуметь. Стальная дверь предательски лязгнула. Павел шагнул в коридор и... вполголоса выругался.

Холл был залит светом. Манана стояла против дверей в полупрозрачном золотистом пенюаре, с бледным от ненависти лицом.

– Ты что, так здесь и стояла всю ночь? – осведомился Павел с холодной язвительностью.

– Да, а что? Тебя разве интересует, что я делаю по ночам? Разве ты еще помнишь, что у тебя есть жена? По-моему, тебя давно уже интересуют только дорогие шлюхи! Наверное, только с ними ты что-то еще можешь, импотент несчастный! – Она швырнула в него дорогую саксонскую тарелку.

Павел легко отклонился, и тарелка вдребезги разлетелась, ударившись о косяк. Заранее приготовила, стерва, чтобы бросить в мужа! Так и стояла всю ночь с тарелкой в руках, как кошка в засаде... дикая кошка, бешеная сука!

Когда-то его забавлял ее кавказский темперамент, но последний год она стала совершенно невыносимой. Он больше не может терпеть ее ненормальную ревность, эти многочасовые скандалы...

Павел попытался обойти жену, но Манана с яростным воплем бросилась к нему, целясь лиловыми ногтями в глаза. Он еле увернулся, закрывая глаза, и сильно толкнул ее наугад. Манана вскрикнула, поскользнулась и отлетела в угол. Павел шагнул было, собираясь запереться в кабинете, но резко остановился, смущенный наступившей тишиной.

Он обернулся.

Манана лежала на полу в позе уснувшего ребенка. Ее лицо, только что обезображенное ненавистью, медленно разглаживалось, и на нем проступала сквозь напластования ссор, горечи, обид ее изумительная восточная красота.

А на полу возле ее виска расплывалось огромное черно-красное пятно.

Павел склонился над женой, назвал ее по имени, потрогал запястье, пытаясь нащупать пульс, но подсознательно он понял уже, что случилось. Он знал, что Манана мертва, и, если до конца быть честным с самим собой, обрадовался этому. Она стала невыносима и пыталась такой же невыносимой сделать его жизнь. Разумеется, подобная смерть может причинить ему массу неприятностей... Но для чего же тогда существует Кандауров, как не для таких случаев? За что Павел платит ему огромные деньги?

Павел достал из кармана трубку и нажал кнопку охранника.

– Женя, приезжай немедленно.

Кандауров появился через двадцать минут, свежий и энергичный, как будто его и не разбудили в четыре утра. С первого взгляда оценив ситуацию, он начал действовать.

– Переодень ее. Ничего не забудь: одежда, нижнее белье – все должно быть надето так, будто она одевалась сама.

Павел со вздохом подошел к телу жены. Красное пятно стало бурым и подсохло, волосы на затылке слиплись. Он обнажил такое знакомое, холеное тело и начал одевать его. Жуткое занятие, но надо все вытерпеть, слишком многим он рискует, если его заподозрят. Не забыть потом отмыть пол от крови, а то утром прислуга придет, заметит.

Павел провозился почти час. Кандауров в это время куда-то уезжал. Через час он вернулся. На заднем сиденье его машины лежала, скорчившись, рыжеволосая молодая женщина.

– Это еще кто такая? – недовольно спросил Павел.

– Не бойся. Ей придется сыграть роль Мананы, потом она исчезнет. Дай ей плащ Мананы, темный парик у нас есть.

Пока гостя переодевалась, Павел с Кандауровым вынесли тело Мананы в гараж и положили в багажник черной «БМВ».

Потом женщина села за руль, выехала к воротам жилмассива и посигналила. Сонный охранник выглянул в окно, увидел знакомую машину, женский силуэт за рулем и открыл ворота. Отъехав на пару километров, машина остановилась.

Кандауров выехал чуть позже и не торопясь приблизился к «БМВ». Женщина вышла и под села к нему, протягивая парик и плащ Мананы. Кандауров, в свою очередь, протянул ей пачку денег.

– Здесь маловато, – скривилась рыжеволосая, – ты не предупреждал, что тут убийство.

– Это несчастный случай, – отрывисто ответил Кандауров, – бери деньги и мотай отсюда немедленно, если не хочешь неприятностей.

– Мало денег, – упрямо проговорила женщина.

– Рискуешь, – угрожающе прошипел Кандауров.

«Ты сам еще больше рискуешь», – подумала она, но сделала вид, что смирилась.

Затем они поменялись машинами. Подъезжая к Москве, Кандауров внимательно осмотрел шоссе и, убедившись в отсутствии свидетелей, резко крутанул руль и выпрыгнул из машины.

Черная «БМВ» слетела в кювет и перевернулась. Наступила глухая предрассветная тишина. Бензобак не взорвался. Машина не загорелась, но этого и не требовалось: удар был настолько сильным, что женщина за рулем неминуемо разбилась бы насмерть. Ремнем Манана никогда не пристегивалась, а аэробэга в «БМВ» не было, поэтому именно данную машину и выбрал Кандауров у Павла в гараже.

Убедившись, что все выглядит достаточно правдоподобно, Кандауров зашагал к условленному месту, где партнерша должна была оставить его машину.

– Твою сестру убили, а ты ничего не делаешь! – Старая женщина с лицом хищной птицы и гордой посадкой головы шевелила пальцами, будто перебирала невидимые четки. – Если ты настоящий мужчина, ты должен отомстить за Манану.

– Мама, это был несчастный случай, – поморщился Арам, – никто ее не убивал. Ты же знаешь, как она ужасно водила! И куда ей понадобилось мчаться в такую рань?

– Вот именно! Куда она ехала? Может быть, она ехала ко мне, чтобы рассказать что-то?

– Мама, ты всегда не любила Павла, но обвинять его в убийстве – это чересчур.

– Он негодяй. Моя девочка всегда была с ним несчастна...

– Брось, мама, все мы не святые. Мы с Ларисой тоже вечно ссоримся...

– Но ты же ее не убиваешь!

– Ну с чего ты взяла, что Павел убил Манану? Зачем ему это нужно?

– Ты думаешь, что твоя мать выжила из ума? – Старуха, не покидая глубокого кресла, дважды стукнула об пол тяжелой резной палкой.

Дверь в соседнюю комнату открылась, оттуда вышла молодая рыжеволосая женщина и остановилась в ожидании.

– Расскажи ему то, что рассказывала мне, – властным голосом сказала старуха.

Когда рассказ был окончен и мать с сыном снова остались наедине, она спросила:

– Ну, а теперь что ты скажешь?

– Это будет очень трудно... – задумчиво произнес сын.

– Но ты должен сделать это, если ты мужчина.

– Он всегда и всюду с охраной.

- Это его не спасет.
- Кроме всего, за ним стоят очень влиятельные и могучие люди. С ними нельзя ссориться.
- Ты должен это сделать.
- Мне нужно это сделать так, чтобы подозрения не пали на нас. Ты понимаешь...
- Но ты это сделаешь. Вот, посмотри, – старая женщина развернула небольшой сверток и протянула сыну кружевной платок в бурых пятнах, – посмотри, это кровь твоей сестры. Когда я приехала в морг, этот платок лежал рядом... рядом с ее телом. Возьми его. Он будет напоминать тебе о том, что ты должен сделать. И пока ты не сделаешь это, тебе не будет покоя.
- Да, мне не будет покоя, – повторил сын как эхо, мрачно уставившись в пол.
- А если ты не сумеешь, – угрожающе продолжала мать, – то я сама этим займусь...

Газета «Асток-Пресс»: Академия иррациональной психологии

Черномор Андрей Ипатьевич – наставник многих ныне практикующих колдунов Москвы и Санкт-Петербурга.

Виртуальная магия действия

Диагностика и коррекция кармы, снятие порчи, венца безбрачия, проклятий

Золотой обряд на деньги, бизнес

Заговор на удачу (серебряное кольцо – талисман)

Приворот. Возврат любимых. Ритуал на верность

Заговор на расположение нужной вам особы (в бизнесе, в личной жизни)

Защита от суда

Реализация конкретной цели

Он не гадает и не убеждает воспользоваться колдовством. Но если вы знаете, чего именно хотите, он действительно может это осуществить.

Ресторан назывался «У Клары и Карла», и на вывеске рядом с названием были нарисованы две симпатичные вороны. Собственно, это был даже не ресторан, а ресторанчик – небольшое уютное помещение, всего столиков двадцать. Ресторан держала семейная пара средних лет, хозяйку действительно звали Клара. Муж ее не был тезкой знаменитого ворона из сказки, но это было не важно, так как всем заправляла Клара Леонидовна – она встречала наиболее почетных гостей, с ней договаривались об особо важных мероприятиях. Мероприятия у Клары были специфические. Никаких шумных застолий, боже упаси нас от свадеб с пьяными гостями, орущими «Горько!», да и места маловато. Не посещали также Клару развеселые компании со шлюхами, этим вход в заведение был закрыт навсегда. Все было иначе. Скромный деловой ужин с женами на шесть, максимум восемь персон, или небольшое семейное торжество – совершеннолетие дочери, например, которое родители хотят отпраздновать отдельно, без молодежи. Для этой цели имелась у Клары отдельная комната. Кухня преимущественно была французская, Клара держала неплохого повара. Ресторан был известен винами, но мало кто из завсегдатаев знал, что замечательный ассортимент обеспечивает муж Клары, Константин Петрович. Он также набирал штат и следил неусыпно, чтобы все было в порядке. Дела шли неплохо.

Столики, за небольшим исключением, были на двоих, так что ресторан посещали в основном пары. Сюда приходили не просто с дамой, а с дамой сердца, возлюбленной, с кем хотелось провести тихий, спокойный вечер, глядя в глаза и наслаждаясь приятной беседой. У Клары не было принято разглядывать соседей и тем более пытаться заговаривать с ними или, не дай бог, посылать бутылку вина, посетители находили особую прелесть в уединении. Ресто-

ран открывался в полседьмого, к семи собирались первые клиенты. Столики в основном заказывались заранее. В глубине зала была небольшая эстрада, где стоял маленький кабинетный рояль, за которым хозяйничал маэстро Эдик, – всегда во фраке, с длинными седыми волосами, забранными в хвост. Оркестра не было, танцев тоже. Эдик наигрывал мелодии пятидесятих годов, импровизировал, не брезговал и классикой. У входных дверей стоял не бритоголовый молодой человек с накачанными мускулами, а мужчина лет тридцати пяти, в хорошо сшитом темном костюме, с приветливым выражением лица. Мужчина был мастер по восточным единоборствам, но про это знали только хозяева ресторана. К тому же в свое время окончил психологический факультет государственного университета, даже собирался защищать кандидатскую диссертацию, и от природы был неплохим физиономистом. Нежелательных посетителей он угадывал, еще когда те были на улице, и отказывал им вежливо, но твердо.

Гардеробщицей служила молоденькая девушка Дина. Она казалась моложе своих лет и всех посетителей встречала чудесной, почти детской улыбкой, от которой все личико ее расцветало. На чай ей не давали – никому не приходило в голову. Но у Клары чаевые было принято приплюсовывать к счету. Меню подавались отдельно дамам и джентльменам, у дам в меню не были указаны цены.

Столики на двоих стояли вдоль стен, а в простенках были установлены длинные узкие зеркала. Ровно в восемь часов вечера, когда все столики были заняты, гасили верхний свет, а на столы ставили свечи под стеклянными колпаками. Эдик наигрывал тихую мелодию, и в зале появлялась хозяйка, Клара, в узком черном – под цвет воронова крыла – платье, с гладко причесанными темными волосами. Ее шею охватывало ожерелье из бижутерии – удачная имитация бриллиантов. Ожерелье блестело, свечи отражались в зеркалах, музыка звучала таинственно – словом, в заведении была своя собственная аура, которую ценили постоянные посетители. Клара приветствовала гостей и уходила, после чего никто уже их не беспокоил, только официанты сновали бесшумно, как тени.

В этот вечер все было как обычно, с той лишь разницей, что охранник, он же швейцар, встречал гостей с меньшей долей приветливости, а когда оставался один, то даже морщился тихонько, словно от зубной боли. Геннадий был здоров как бык, за одним исключением: его желудок не переносил молока. Но кофе с молоком он очень любил, по утрам не мог выйти из дома, пока не выпьет большую чашку, поэтому опытным путем он выяснил, что организм принимает только один вид молока – детское пастеризованное, в синеньком пакете, под названием «Тема». У охранника было двое детей, жена сидела с ними дома и всегда покупала «Тему» в ларьке на углу. Но накануне она проторчала с младшим долго в поликлинике, торопилась за старшим в школу, а «Тему» в ларьке на углу уже раскупили. Жена была страшно замотана, ребенок в коляске капризничал после прививки, так что, не найдя синеньких пакетиков, жена махнула рукой и купила молоко обычное, Лужского молочного комбината, а утром, наливая мужу кофе, абсолютно забыла об этом. Еще бы ей не забыть, когда у младшего после прививки поднялась температура и он плакал всю ночь, не давая матери заснуть ни на минуту.

Молоко действовало к вечеру, как раз когда нужно было идти в ресторан, поэтому охранник морщился и, улучив минутку, удалялся в конец коридора, где находился служебный туалет.

Время близилось к восьми, в зале все столики были заняты, кроме одного, заказанного заранее. Публика была респектабельная, как и всегда у Клары: несколько воркующих пар, деловой ужин партнеров без дам, а в углу две женщины. Они пришли сюда одни именно поужинать, и это никого не удивляло. Старшая дама была очень хорошо знакома не только Кларе, но и нескольким посетителям, только никому из них не пришло в голову показать, что они узнали владелицу самого крупного и престижного в городе агентства фотомоделей Викторину Павловну Куницыну. Куницына приходила в ресторан часто, повар готовил специально для нее, а такой привилегией у Клары могли похвастать немногие. Виктория ела не спеша, не глядя

по сторонам, изредка бросая два-три слова своей визави. Девушка сидела так, чтобы посетители даже украдкой не могли разглядеть ее. Лицо Куницыной было непроницаемым, только изредка глаза темнели от тревожных мыслей, но она легонько встряхивала породистой головой с гладкой прической, отгоняя плохое.

Вот в дверях показался муж Клары, Константин Петрович. Заметив Викторину, он слегка поклонился ей. Виктория Павловна улыбнулась ему одними глазами, и стало заметно, что в свои без малого пятьдесят она все еще красива зрелой женской красотой. Изящной формы рукой Виктория подняла бокал с минеральной водой – это был ее принцип; того же она требовала от девушек – никакого спиртного, никогда, и сигарет тоже.

– Выпьем, Катюша, завтра – твой день!

Девушка напротив засмеялась тихонько и чокнулась бокалом. Виктория Павловна взглянула на нее и в который раз поразились: девушка была необыкновенно, просто фантастически хороша, даже Викторину Павловну, которая повидала многое, красота этого лица временами просто завораживала. Она вспомнила, как впервые увидела девушку случайно, в компании неблизких знакомых. Это было год назад. Долговязое создание, ходит чуть ссутулившись и глядит исподлобья. Кате было семнадцать, пора бы уж сформироваться. Но выяснилось, что незадолго до этого с ней произошла метаморфоза – за лето она выросла на пятнадцать сантиметров. Организм бурно перестраивался, это отразилось на психике.

– Я чувствую себя жирафой! – жаловалась Катя.

Виктория Павловна вгляделась в симпатичную мордашку наметанным глазом. Что-то такое было в зеленых глазах, что заставило ее призадуматься.

– Если за месяц похудеешь на десять килограммов, то приходи, – сказала она Кате и забыла об этом.

Через месяц девушка явилась к ней в агентство похудевшей не на десять килограммов, а на пятнадцать. И вот тогда ее слегка осунувшееся лицо необыкновенно похорошело. Зеленые глаза казались огромными, чуть резче выступили скулы. Кожа была матовая, с оттенком слоновой кости...

Рост вполне подходил – 178 сантиметров, вес даже меньше, чем нужно, грацию и свободу движениям придаст ежедневная гимнастика по методу самой Куницыной, но что-то останавливало Викторину Павловну, смутные опасения. Девушке с таким лицом нельзя рекламировать шампуни и лак для волос, а белье и подавно. Невозможно представить себе мадонну в кружевном боди, это неприлично. Но с другой стороны, такое лицо создано для того, чтобы на него смотрели, чтобы им гордились...

Несмотря на всю свою занятость, Куницына долго размышляла о судьбе Кати. И решила позаботиться о девушке сама, без всяких спонсоров. Она приложит все силы для того, чтобы найти Кате выгодный контракт за границей, причем с крупной престижной фирмой. Хочется думать, что там найдутся профессионалы, которые оценят Катину необычное лицо и найдут достойную сферу применения. Кате надо уехать из этой страны, от нашего ужасного климата. Больно думать, что сделают с таким лицом через несколько лет дожди, морозы и наша ужасная вода.

– Доверься мне, – сказала Куницына, – с этого дня – диета, гимнастика, – все, чтобы сделать фигуру безупречной. И вот еще что... – она внимательно посмотрела в зеленые глаза, – у тебя есть кто-нибудь? Друг, любовник...

– Пока нет, – смутилась Катя, – как-то не до того было.

– И не надо, – мягко ответила Виктория Павловна, – никаких мальчиков и никаких спонсоров, я сама о тебе позабочусь. Подожди пока, никакого секса.

Катя опустила глаза, а Куницына усмехнулась, поймав себя на мысли: что, если какой-нибудь богатенький красавчик уговорит Катю переспать с ним, и тогда необычная ее красота исчезнет? Неужели очарование этому лицу придает непорочность?

Почти год прошел в напряженных трудах. Катя закончила школу, поступила учиться на дизайнера, одновременно занимаясь гимнастикой и самосовершенствованием. Виктория Павловна не показывала ее никому, дожидалась своего часа. И вот он настал. Большой конкурс «Мисс Обаяние». Победительница автоматически подписывает контракт с крупнейшей французской фирмой «Иль де парфюм». Уж там-то, в Париже, сумеют разглядеть Катю. Она, Виктория Павловна, явит Европе настоящее чудо, и деньги, что она вложила в Катерину, вернутся с лихвой.

А деньги пришлось вложить немалые, потому что все места на конкурсе были распределены заранее. И Куницыной пришлось вступить в конфликт с Вадимом Крутицким – крупным бизнесменом, одним из спонсоров «Мисс Обаяние». У него протеже – Арина Сазонова. Виктория Павловна не могла не признать, что девчонка неплоха – яркая, эффектная блондинка. Куницына знала все ее достоинства, потому что в свое время Арина прошла через ее агентство. Но ведь Катя – это нечто совсем другое...

Виктория Павловна взглянула на часы – без четверти восемь. Сейчас появится Клара, потом принесут кофе, и можно будет уходить. Что-то она сегодня устала, надо будет завезти Катю домой, а потом ехать к себе, принять ванну и лечь пораньше. Завтра тяжелый день. Опять мелькнула мысль – не зря ли она все затеяла, но Виктория только вздохнула.

В зале появился новый клиент и сел за свободный столик. Мужчина был прилично одет – хороший серый костюм, и галстук повязан аккуратно, но что-то в нем настораживало, какая-то скованность в движениях. Мужчину впустила гардеробщица Дина, потому что охранник Геннадий опять отлучился в конец коридора по неотложному делу.

– У вас заказано? – спросила Дина, вежливо улыбаясь.

– Да-да, – рассеянно ответил мужчина, – я жду даму.

Он снял пальто, пригладил волосы, не глядя на себя в зеркало, и прошел в зал. Дина пожалала плечами и вернулась в гардероб. Так случилось, что никто не обратил внимания на странного посетителя. Клара готовилась к торжественному выходу и наводила последнюю красоту перед зеркалом в кабинете; Константин Петрович вообще редко появлялся на людях, а официанты были заняты с клиентами. Посетители же ресторана «У Клары и Карла», как уже говорилось, по сторонам не смотрели и соседей не разглядывали.

Вынесли свечи, Эдик заиграл что-то романтическое, появилась Клара. Она двигалась по проходу, наклоняясь к каждому столику, согласно установленному ритуалу. Вот она приблизилась к столику посетителя, пришедшего последним, и недоуменно нахмурилась, заметив, что стол пустой, даже стакана минеральной воды не было перед мужчиной. Сохраняя на лице приветливое выражение, Клара поискала глазами официанта. Тот сделал знак, что все сейчас будет. Клара обернулась к посетителю, присмотрелась внимательнее и вздрогнула – мимо нее был устремлен абсолютно пустой, неживой взгляд. Но музыка играла, свечи отражались в зеркалах, и пара за соседним столиком уже подняла бокалы, улыбаясь. Клара продолжала двигаться в установленном ритме, удивляясь, каким образом странный посетитель смог пройти мимо надежного охранника, как вдруг ее остановили глаза женщины, сидевшей за столиком у самых дверей. Женщина завороченно глядела на что-то позади Клары. Клара обернулась медленно, сохраняя достоинство, в глубине души чувствуя, что происходит непоправимое. Странный, подозрительный мужчина стоял уже в проходе, костюм его был облит темной жидкостью, резко пахло химией. Клара окаменела, официанты тоже. В полной тишине, двигаясь плавно, как в замедленном кино, мужчина протянул руку, разбил стеклянный колпак и вынул горящую свечу. Женщина за ближайшим к нему столиком закричала. Мужчина, не обращая внимания на крик, поднес свечу к себе, и мгновенно вся одежда его вспыхнула факелом. Он сделал несколько беспорядочных движений, вытянув вперед руки, опрокинул стул. Обезумев от

ужаса, посетители ресторана бросились к двери, раздался грохот, женский визг и звон разбитой посуды.

Живой факел в это время метался по небольшому помещению, издавая жуткий вой. В дверях образовалась пробка. Кое-где занялись огнем скатерти и занавески. Клара, одной из первых выскочившая в холл, так как находилась ближе всех к дверям, успела дать знак охраннику, чтобы отворил настежь входную дверь. Таким образом выбегавшие из зала люди не скапливались в маленьком холле, а пролетали прямо на улицу.

С начала происшествия прошло всего минуты три, не больше, как в дверях кухни появился хозяин, Константин Петрович, с огнетушителем в руках. Направив мощную струю на полыхавшую фигуру, в которой не осталось уже ничего человеческого, он сбил огонь пеной. Но тот, горевший, был еще жив, он остановился на мгновение, круто развернулся и бросился резко головой в зеркало в углу. Посыпались стекла, тело рухнуло на пол под ноги Виктории Павловны. Куницына вскочила, с ужасом глядя вниз, как вдруг ее остановил стон. Катя прижала руки к лицу, и сквозь пальцы капала кровь. Сердце Виктории глухо ухнуло вниз. Она шагнула на негнущихся ногах и осторожно отняла Катины руки. Все лицо было залито кровью. «Конец», – поняла Виктория Павловна.

Катя сидела у самого зеркала, и осколки сильно порезали ей лицо. Когда начался этот кошмар, Виктория с Катей из своего угла просто не успели броситься вместе со всеми к выходу, а потом испугались, что их затопчут.

Константин Петрович вызывал «скорую». Милиционеры уже заглядывали в двери – они приехали по специальному сигналу: охранник нажал кнопку, как только услышал шум и звон битой посуды. Хозяин молча кивнул им на обгоревшее тело, вышел в холл, куда помаленьку возвращались выбежавшие посетители – на улице мороз, в феврале долго на свежем воздухе не погуляешь в вечерних туалетах. Константин Петрович окинул взглядом публику, убедился, что все живы-здоровы, если не считать нескольких синяков, растрепанных дамских причесок и порванных колготок. Мужчины держались, в общем, спокойно, кое-кто из дам всхлипывал, размазывая по лицу макияж. Клара стояла у дверей кабинета, ее колотила крупная дрожь, из гардероба слышался истерический хохот Дины. Константин Петрович направился к жене, мимоходом залепив Дине пощечину – не слабую и не сильную, как раз такую, от которой она перестала хохотать и очнулась, недоуменно хлопая глазами. Константин Петрович взял жену за руку и отвел в кабинет. Там он налил ей полстакана коньяка и заставил выпить. Клара перестала дрожать и встрепенулась.

– Кто же его пустил? – недоуменно спрашивала она.

– Об этом после, – процедил муж и вышел.

Молоденький милиционер подступал уже к посетителям с блокнотом, желая записать адреса и фамилии, что вызвало в их рядах ропот недовольства. Многие Кларины клиенты вовсе не желали, чтобы кто-то, а тем более милиция, знал, с кем они ходят по ресторанам, проводят свободное время и обсуждают деловые вопросы.

Константин Петрович сказал вполголоса несколько слов старшему опергруппы, тот кивнул и разрешил свидетелям расходиться. Дина уже полностью пришла в себя и выдавала шубы и дубленки.

Катю пронесли на носилках через холл. Виктория Павловна оделась и вышла на улицу. Дверь «скорой» открылась, и выглянул врач.

– Как она?

– Похоже, глаза не задеты, но на лице сильные порезы.

– Боже! – простонала Виктория Павловна.

– Красивая была? – догадался врач.

Куницына посмотрела на него с немим отчаянием и отошла.

– Вы поедете с нами? – крикнул ей вслед доктор. – Мы сейчас ее в больницу Эрисмана возем.

– Я на своей, – не оборачиваясь, ответила Куницына.

Она села в синюю «тойоту» и тронулась с места, держась на расстоянии от белой машины «скорой» и не упуская ее из виду.

«Все кончено, – стучало у нее в голове. – Значит, не судьба».

Что она может предпринять, чтобы выйти из ситуации с наименьшими потерями? Возможно, она еще успеет торговаться с Крутицким? Прижав мобильник к уху, она набрала номер.

– Вадим? – Она постаралась, чтобы голос ее не дрожал. – Я думаю, мы могли бы договориться насчет завтрашнего...

Виктория послушала, что ответил ей холодный голос, сжала зубы, когда на том конце высказались неуважительно, но дождалась-таки, что Крутицкий предложил встретиться через полтора часа и все обсудить. Куницына проводила глазами «скорую» и решительно развернулась на первом же перекрестке. Дело не терпит, нужно действовать, пока Крутицкий не прослышал о пожаре в ресторане. У нее нет времени разъезжать по больницам. В волнении Куницына не заметила микроавтобус телевизионных новостей, который аккуратно вывернул из тупичка. Оператор уже снимал прямо на ходу и двери ресторана, откуда выходили помятые посетители, и окна в копоти, и милицию, и пожарных, услуги которых были уже без надобности.

Константин Петрович из окна заметил телевизионщиков и расстроился.

– Да это никак Каморный! Принесла его нелегкая...

– Как он всюду успевает? – вздохнула Клара. – Теперь через час весь город знать будет.

– Как успевает? – буркнул муж. – Небось из ментов кто и сообщил... за малое количество баксов.

Пожарные уехали, следственная бригада возилась в зале. Обгорелые останки увезли, но долго еще в ресторане и в нескольких кварталах вокруг стоял запах горелого мяса, так что жилец из соседнего дома, ставивший машину на ночь в том же тупичке у ресторана, поздно вечером вернувшись из клуба, потянул носом и сказал своей киске:

– Шашлык у Клары, что ли, подгорел? С чего это им вздумалось шашлык готовить? Такая была приличная кухня...

А пока двери ресторана заперли изнутри, предварительно впустив знакомого милийского подполковника, большого любителя французской кухни и приятеля Константина Петровича. Подполковника вызвали по мобильному телефону, и он тотчас же приехал, чтобы осмотреться на месте и помочь ликвидировать ЧП. Клара отправилась подсчитывать убытки, а подполковник с хозяином обосновались в кабинете и вызвали туда Дину и охранника Геннадия.

Константин Петрович посмотрел на них из-под нависших бровей и молвил одно слово:

– Ну?

– Он сказал, что ждет даму, – нервно заговорила Дина, – и столик был заказан...

Хозяин перевел тяжелый взгляд на Геннадия.

– М-молоко, – выдавил тот и отвел глаза, после чего подробно обрисовал ситуацию.

– Та-ак, – протянул подполковник, – и столик, говоришь, заказан был?

Из дальнейшего разговора выяснилось, что столик заказали в тот же день по телефону на фамилию Колосков. У Клары было принято заказывать по телефону, и если до шести вечера заказ не отменяли, то клиент обязательно приходил. Накладки бывали редко, но в таком случае столики не пустовали – желающих попасть в ресторан было предостаточно. Дина, естественно, не спросила фамилию у странного посетителя, но, судя по той уверенности, с которой он вошел, столик действительно был заказан для него.

– Это что же получается, – заговорил Константин Петрович, – человек специально заказал столик заранее, чтобы устроить в нашем ресторане самосожжение? Для каких, извиняюсь, целей?

– Кого же вы могли так сильно обидеть? – подначил подполковник.

– Мне не до шуток, – отмахнулся Константин Петрович. – И потом... убытки, конечно, есть, но, насколько могу судить, небольшие, могло быть хуже. Пожар предотвратили. Морально, конечно... Да переживем как-нибудь. Только репортер этот, Каморный, растрезвонит на весь город...

– Тут я помочь не могу, – помрачнел подполковник, – ему рот не заткнешь. Везде у него все схвачено, все он знает, всюду успевает, каждой бочке затычка. Как, говоришь, тот тип выглядел? – обратился он к Дине.

– Нормально выглядел, прилично, костюм новый, пальто опять же... ой, пальто же осталось!

– Ну-ка, пойдем посмотрим! – оживился подполковник.

Но в карманах пальто нашли только горсть мелочи и больше ничего, никакой, даже ненужной, бумажки.

– Посмотрим, что эксперты скажут. – На этом подполковник откланялся.

Не напрасно владельцы ресторана так опасались вездесущего репортера. Александр Каморный, самый известный в городе репортер криминальных новостей, дело свое знал. Подъехав по звонку знакомого сотрудника милиции к ресторану, он велел немедленно снимать все, что вокруг – машины, людей, пожарных. В ресторан съемочную группу не пустили под тем предлогом, что они будут мешать работе милиции. Каморный не растерялся, мигом заскочил во двор и заглянул в дверь служебного входа. На лестнице толклись растерянные официанты. Только Каморный успел выяснить про самосожжение, как персонал брызнул в стороны от грозного окрика появившейся Клары. Вежливо, но твердо Клара закрыла дверь перед носом настырного репортера, но тот успел разглядеть на лестничной площадке маэстро Эдика и приободрился. Каморный от природы и в силу специфики своей работы имел феноменальную память на лица и фамилии. Эдика он сразу вспомнил, и когда через полчаса маэстро появился в дверях служебного входа, Каморный дал знак шоферу тихонько следовать за ним. За углом музыкант услышал, как его зовут:

– Эдуард Яковлевич, на минуточку!

Эдик с неудовольствием обернулся и ничуть не удивился, увидев Каморного, он примерно этого и ждал.

– Садитесь, подвезем!

Эдик со вздохом согласился.

– Слушаю вас! – любезно произнес Каморный. – И поподробнее, пожалуйста.

Эдик задумался. Чертов репортер имел на него компромат. И в общем, не бог весть что – как-то случайно милиция застукала его с мальчишкой. Парень оказался совершеннолетним, так что все обошлось: Эдик сунул ментам все деньги, что у него в тот момент были, и уже думал, что выкрутился, но тут нехстати оказался поблизости наглый репортер, который был в отделении совершенно по другому делу. Каморный Эдика запомнил и с тех пор норовил получить от него кое-какие сведения, угрожая разоблачением. «Что мне будет от разоблачения?» – лениво размышлял Эдик. Будет скандал, жена узнает... да и черт с ней, она ему давно надоела. Гораздо хуже, что узнают в ресторане. Константин Петрович неоднократно предупреждал, что ему нужны сотрудники с незапятнанной репутацией, никакого криминала, никаких грязных историй. Жалко терять такую хорошую работу... тем более что он не сделает ничего противозаконного, если расскажет Каморному подробно, что произошло сегодня у Клары.

Эдик откашлялся и толково пересказал Каморному все случившееся, описал мужчину, насколько он мог его видеть с эстрады, рассказал, что жертва была только одна – молодая

девушка, которая не успела выскочить из-за столика, и ей сильно порезало лицо осколками зеркала. Кто такая девушка, Эдик не знал, а если бы и знал, то не сказал бы – на этот счет было строгое предупреждение от хозяина – не трепаться по поводу клиентов, не называть фамилий.

Газета «Курьер» от 15 марта 1999 года: Академия иррациональной психологии.

Павлова Ангелина Александровна.

Астролог. Специалист по аналитической магии. Ваш вопрос позволяет подключиться к Вашей ситуации и посмотреть, как развернутся события.

Все про любовь:

- прогноз отношений с партнером;*
- выбор дня бракосочетания;*
- любовный гороскоп.*

Деловые консультации:

- работа, профориентация;*
- контроль сделок;*
- квартира (выбор вариантов, выбор даты переезда);*
- описание вора;*
- Ваш личный гороскоп как ключ к успеху.*

Будущее рождается в настоящем...

Ждать полтора часа до встречи с Куницыной нужно было Крутицкому для того, чтобы навести кое-какие справки. Услышав ее голос по телефону, он очень удивился, потому что в свое время пытался ее уломать, но Куницына стояла насмерть – первое место на конкурсе должна занять ее девушка; она интриговала, вложила кучу денег, и Крутицкий вынужден был признать себя побежденным. Он этого очень не любил, а тут еще Аринка закатывала форменные истерики. Крутицкий уже для себя решил, что он даже не появится завтра в «Голден-Холле», где будет проходить конкурс. И вдруг Куницына огорошила его новостью: она согласна на переговоры. «Что бы это значило? – задумался Крутицкий. – Что-то случилось с девушкой, и она не сможет выйти завтра на подиум? Но что могло с ней случиться, если всем известно, что Куницына в последнее время просто не отпускала ее от себя, ни с кем не давала общаться». Ругая себя за то, что в свое время не велел приставить хвост к мерзкой бабе, Крутицкий вызвал своего доверенного помощника Антона и велел доступными ему способами выяснить, где сегодня была и что делала Виктория Павловна Куницына. Через двадцать минут Антон доложил, что Куницына до обеда находилась неизвестно где, после обеда до шести – в агентстве, а потом уехала ужинать, прихватив Катю Михайлову.

«И где, интересно, они ужинали, если после такого ужина она решила полностью поменять свои планы? – размышлял Крутицкий. – Потому что если бы что-то случилось с утра, то она бы сразу мне позвонила, не в ее правилах откладывать, тем более что время-то поджимает».

– Вадим Георгиевич! – окликнул Крутицкого из соседней комнаты проворный Антон.

По телевизору показывали новости, и вот в конце, после культуры и перед погодой, на экране появился Александр Каморный.

– Сегодня в ресторан «У Карла и Клары», что на улице Савушкина, дом восемь, вошел неизвестный гражданин, облил себя горючей жидкостью и поджег. Пожар удалось потушить, никто из посетителей ресторана не пострадал от ожогов. Человек, выбравший такой оригинальный способ самоубийства, скончался на месте. Его личность устанавливается. Как уже говорилось, жертв нет, только молодая девушка ранена осколками стекла...

Камера показала вход в ресторан, милиционеров, выносящих тело, покрытое простыней, мелькнули испуганные посетители ресторана, машина «скорой помощи»...

– Ужинала, говоришь, Куницына в ресторане, – пробормотал Крутицкий, – девушка молодая ранена... Как бы эту пленочку подробнее рассмотреть...

Антон уже набирал номер знакомой девушки, работавшей на том же телеканале, что и Каморный. Девушка оказалась расторопной и неглупой, как и все, с кем Антон водил деловое знакомство. Она не стала соваться к самому Каморному, а дождалась, пока он вышел, и перемолвилась словечком с оператором, намекнула ему, что в дальнейшем сможет быть ему полезной, подарила бутылку хорошего коньяка и посулила, что их близкое знакомство в будущем сможет перерасти в тесную дружбу. В результате недолгой беседы девушка получила копию видеокассеты, причем не только то, что было в новостях, а вообще весь отснятый при пожаре материал. Оператор отдал копию без зазрения совести, потому что материал уже пошел в эфир, так что Каморного он не подвел.

Когда видеокассету привезли Крутицкому, до встречи с Куницыной оставалось сорок минут. Они с Антоном внимательно изучили запись. Вот показалась выруливающая на магистраль «скорая», следом за ней держалась синяя «тойота».

Номер «тойоты» невозможно было рассмотреть.

– У Куницыной какая машина?

– Вроде бы «тойота», возможно, синяя... Но номер «скорой» хорошо виден, так что все выясним.

Антон, опять-таки по телефону, поговорил со знакомым гаишником и выяснил, к какому пункту приписана данная машина «скорой помощи». Гаишник без лишних напоминаний связался с диспетчером и не в службу, а в дружбу выяснил, что сегодня та бригада возит всех в больницу имени Эрисмана, что при Первом медицинском институте.

– Синяя «тойота», ужин в ресторане... – задумчиво бормотал Крутицкий. – Для верности нужно в больнице выяснить фамилию девушки. И тогда я устрою этой Куницыной варфоломеевскую ночь. Пошли кого-нибудь...

– Сам поеду, – поднялся Антон.

Крутицкий взглянул на него внимательнее и прищурился:

– Шустрый ты, прямо землю носом роешь...

– За то и держите, – открыто улыбнулся Антон.

Куницына использовала полтора часа для того, чтобы съездить в свой офис и взять там кое-какие бумаги. Если удастся сторговаться с Крутицким, они подпишут соглашение, и тогда он вернет ей хотя бы часть вложенных в конкурс денег. Просто удивительно, досадная случайность испортила все задуманное! Но некогда расслабляться. Виктория Павловна внимательно оглядела себя в зеркале, подправила макияж, стерла платком легонькое пятнышко от копоти возле брови – Крутицкий очень наблюдателен и далеко не глуп, нужно быть во всеоружии. «Эх, Катя, Катя, как же ты подвела!...»

Она аккуратно припарковала синюю «тойоту» возле офиса Крутицкого, посидела немного в машине, вздохнула и вошла в подъезд. Охранник кивнул равнодушно и нажал кнопку лифта. Такая встреча Куницыной не понравилась, она не предвещала ничего хорошего. Приготовившись к долгому, изнурительному разговору, Виктория Павловна вышла из лифта. Перед ней была дверь в приемную, и секретарь уже махала приветливо. Охрана, несомненно, была, но в самом офисе лишний раз старалась глаза не мозолить.

– Виктория Павловна, – Крутицкий сам встретил ее в дверях кабинета, – я рад вас видеть у себя.

Его показное радушие еще больше не понравилась Куницыной – в деловых кругах Крутицкий был известен как жесткий, даже жестокий человек.

– Выпьете что-нибудь? Кофе? – предложил хозяин.

– Кофе, – со вздохом согласилась Куницына.

Принесли кофе, Крутицкий оживился и подвел Victорию Павловну к маленькому столику.

– Присаживайтесь, дорогая, посидим-поболтаем.

Куницына села, закинув повыше все еще стройную ногу, но вовремя опомнилась – Крутицкого этим не проймешь, да и возраст все же не тот.

– Видите ли, в чем дело, Вадим, – вкрадчиво начала она, – прошу вас не делать вид, что рады мне как госте. Мы с вами никогда, как бы это выразиться, не дружили домами. И сегодня я пришла к вам по делу, по важному делу.

– Очень жаль! – огорчился Крутицкий, и сделал это настолько напоказ, что Виктория Павловна поняла: дело нечисто. Он не просто что-то подозревает, он имеет информацию. И насколько эта информация полная, ей предстояло выяснить в самое ближайшее время.

Крутицкий встал, достал из бара бутылку коньяка и налил в два бокала янтарную жидкость, невзирая на протесты Виктории Павловны. Делал он это нарочито медленно.

Если бы он следил за ней, то уже знал бы все, размышляла Куницына. И тогда он бы не стал с ней встречаться, просто отказался, и все. Стало быть, он не знает всего, но тянет время, чего-то ждет. Но чего? Она пристально вгляделась в мужчину напротив. Молод, нет и сорока, нагл и нахрапист. Полноват, так что одежда сидит не очень, но он компенсирует это якобы полным пренебрежением к своему внешнему виду. Что ж, он выбрал верную линию поведения. Он неглуп, далеко не глуп, в этом сходятся все его враги и конкуренты.

– Вот что, Вадим, – начала она деловито, – мы оба с вами люди занятые, давайте-ка приступим к переговорам.

– Слушаю вас, – неохотно произнес Крутицкий.

– Я тут поразмыслила на досуге и пришла к выводу, что вы человек жесткий.

«А то ты раньше этого не знала!» – подумал Крутицкий.

– И ссориться с вами опасно, – продолжала Куницына, – гораздо разумнее жить с вами в мире. Поэтому еще не поздно пересмотреть наше соглашение насчет завтрашнего конкурса «Мисс Обаяние».

Крутицкий поднял брови.

– Значит ли это, что вы согласны уступить Арине Сазоновой первое место?

– Если мы договоримся, – уклончиво ответила Куницына.

– А контракт с фирмой «Иль де парфюм»?

– Контракт входит в пакет документов, которые мы согласуем.

– И каковы будут ваши условия?

– Вот мои условия. – Куницына протянула ему листок, где от руки были написаны цифры.

– Хм-м... – Крутицкий сделал вид, что углубился в расчеты, а сам украдкой посмотрел на часы.

Что-то Антон долго не дает о себе знать...

Антон подъехал к зданию больницы в то же время, когда Куницына входила в офис его шефа. Было около десяти часов вечера, в больнице стояла тишина. Антон не стал ломиться в справочное, он обогнул здание и приоткрыл дверь, над которой светилась надпись «Приемный покой», рассудив, что коль сегодня больница имени Эрисмана дежурная по городу, то сюда будут возить и ночью, а стало быть, двери открыты. Его предположение оказалось верным – на скрип двери выглянула заспанная тетка и уже открывала было рот, чтобы заорать, но Антон мигом утихомирил ее двумя сотенными бумажками.

– Да куда же тебя несет? – сбавила тетка тон. – Утром приходи.

– Спокойно, тетя, мне только выяснить, куда жену положили. А то сказали, что к вам, а куда конкретно... – Он уже приближался к девушке за стойкой, которая с интересом поглядывала на стройного молодого человека в модной одежде. – Сестричка, милая, к вам сегодня привезли девушку, ранена она на пожаре... в ресторане.

– «У Клары»? – оживилась девушка. – По телевизору показывали.

– Вот-вот. Так как ее фамилия?

– А вам кого нужно? – нахмурилась девушка.

– Не Михайлова Катя?

– Точно, она.

– А вы не путаете?

– Ну что вы, сами посмотрите, вот: Михайлова Катерина Андреевна. В хирургию ее положили, лицо поранено сильно. Но вы не бойтесь: главное – глаза не задеты.

– Спасибо, милая, за сочувствие, – улыбнулся Антон, – вот вам за доброе сердце. – Он поставил на стойку коробку с французскими духами.

– Ну что вы... такой пустяк, – растерялась сестричка.

– А я еще не раз приду, – лукаво засмеялся Антон, – давайте дружить!

– Так в хирургию же придете-то! – крикнула сестра, но симпатичного посетителя и след простыл.

В машине он набрал номер офиса Крутицкого.

Услышав долгожданный звонок, Крутицкий так живо вострепнулся, что Виктория Павловна вздрогнула. Она наблюдала за его лицом во время разговора и поняла, что проиграла, проиграла вчистую. Ничего у нее не выйдет, и незачем унижаться и торговаться. Самое умное будет сейчас встать и уйти, но она почему-то медлила.

Крутицкий положил трубку и улыбнулся, обнажив клыки, как зверь.

– Что, ведьма старая, обмануть меня захотела? – процедил он.

Куницына передернулась, как от озноба.

– Вот тебе соглашение! – Он порвал листок в клочки и бросил ей в лицо.

Она продолжала сидеть молча, не шевельнувшись.

– Ты с кем вздумала шутки шутить? – Он вскочил и навис над ней всей тушей.

Виктории Павловне показалось на миг, что сейчас он ее ударит, но усилием воли она продолжала сидеть, не делая попытки отклониться. Минуты две они молча глядели друг другу в глаза, наконец он отошел к окну и отвернулся.

– Не понимаю, отчего вы так кипятитесь, – вымолвила Куницына, стараясь, чтобы голос ее не дрожал и не прерывался, – вы же выиграли, так чем вы недовольны?

– Пошла вон! – не оборачиваясь, процедил Крутицкий. – Гроша ломаного от меня не получишь.

Перед глазами Виктории Павловны побежали красные круги, она сжала зубы и, думая только о том, чтобы не упасть, двинулась к двери, не забыв прихватить пальто и бумаги. Молча прошла мимо секретаря, молча спустилась в лифте и опомнилась только в машине, заметив, как дрожат руки, лежащие на руле. Ехать в таком состоянии нечего было и думать. Но и стоять тут, возле офиса Крутицкого, не хотелось. Медленно она тронулась с места, поглядывая по сторонам, и, заметив подходящую подворотню, свернула туда. Остановив машину, она испугалась, что сейчас умрет, так ей стало плохо. Тело сотрясала крупная дрожь, зубы стучали, воздуха не хватало. Виктория Павловна открыла окно, нашла в бардачке тюбик валидола и сунула таблетку под язык. Чуть полегчало, и она осторожно вдохнула полной грудью морозный воздух.

Вот, значит, как. Вот какие мы, оказывается, джентльмены... Ерничал, пальтишко помогал снять, кофейком поил, а как понял, что сила на его стороне, так и вылезло хамское мурло на поверхность. Как был господин Крутицкий одесским жлобом, таким и остался.

И ничего уже не сделаешь. Она уже не успеет выставить на конкурс никого вместо Кати. Как назло, приличные модели в данный момент все пристроены, остались девушки так себе, далеко не высший класс, а представитель фирмы «Иль де парфюм» тоже ведь дело свое знает, ему кошку драную не подсунешь... Вот и получается, что единственной претенденткой автоматически становится Арина Сазонова, то есть за ее, Куницыной, деньги Крутицкий получит

победу для своей девки, а она кругом в дураках. И мало того что убытки, так ее, Викторину Павловну Куницыну, уважаемую женщину, владелицу крупнейшего в городе агентства фото-моделей, еще унизили, оскорбили, выгнали вон, как назойливую побирушку!

Ну что ж, бизнес – это не игра в шахматы. Здесь не соревнуются отдельно мужские и женские команды. В бизнесе все равны, слабому женскому полу не делают скидку. Стало быть, нужно держать удар, как мужчина. И она это сумеет. Но господину Крутицкому она отомстит, уж будьте уверены. Понадобится ждать, она подождет. И когда наступит этот сладкий день, она не будет глумиться над ним и открыто издеваться. Она будет с ним любезна и приветлива, а мстью насладится потом, в одиночестве, так гораздо приятнее...

Газета «Виват, Петербург» от 24 апреля 1999 года

Александра Марникова – магистр психоэнергосуггестии:

- успокоение нервной системы;
- снятие с первого же обращения всех видов порчи;
- избавление от сосудистых заболеваний, заикания, полиартрита;
- избавление от кожных и аллергических заболеваний;
- коррекция семейных отношений;
- заговоры на удачу в любви и в бизнесе;
- заговоры грыжи и алкоголизма.

Надежда плюхнулась на сиденье, аккуратно поставила у ног тяжеленную сумку и с облегчением перевела дух. Теперь никакая сила не заставит ее подняться до нужной станции метро. Однако что-то сегодня она устала, хотя, чтобы такую тяжесть носить, нужно тяжеловесом быть! Хорошо, что она успеет прийти домой раньше мужа, а то он увидит, что сумка неподъемная, и будет ее ругать.

Надежда почувствовала раздражение. Сам не велит таскать тяжести, говорит, что в ее возрасте это очень вредно, и сам послал ее за лампой. Все дело было в коте, вернее, не в коте, а в муже. Муж у Надежды был второй, поженились они семь лет назад, его первая жена к тому времени давно умерла, а Надежда с мужем были в разводе. Дети у обоих были взрослые, жили отдельно, так что Сан Саныч поселился в Надеждиной однокомнатной квартире и страшно привязался к ее рыжему коту Бейсику. Бейсик, превратившийся за семь лет из молодого шустрого котика в наглого, толстого, пушистого котищу, пользовался этим обожанием вовсю, так что Надежда иногда даже ревновала мужа к рыжему сокровищу. Сан Саныч рьяно следил за кошачьим питанием, раз в месяц консультировался у знакомого ветеринара и вычесывал кота два раза в день. Кот чувствовал себя прекрасно, но нынешней зимой, несмотря на витамины и свежепропорошенную травку, неожиданно начал лысеть. То есть из обычного полупушистого кота (в свое время дядечка, у которого Надежда с дочкой купили заморенного котенка, утверждал, что его бабушка была ангорская белая кошка) превратился в обычного же, но четверть-пушистого. На взгляд Надежды, так было даже лучше – меньше шерсти оседало на ковре и черном пальто, но Сан Саныч был безутешен. Вызванный домой ветеринар посоветовал кварцевание. Везти больного в лечебницу Надежда категорически отказалась (кот благодаря заботам Сан Саныча весил полпуда). Бросили клич по знакомым, и Надеждина мать раздобыла кварцевую лампу у соседки.

Тут еще возникла одна забота. Одна знакомая Надежды внезапно заболела. Женщина она была пожилая, а стариковские болезни давно уже никого не удивляют, но все дело было в том, что знакомая никак не могла себе позволить болеть, потому что на ней висел внук-первоклассник. Родители ребенка работали в коммерческих структурах и, в свою очередь, не могли себе

позволить такую роскошь, как взять внеочередной отпуск или за свой счет. Тем не менее они как-то перебились недели две, а потом бабушку отправили в санаторий для срочной поправки здоровья, а сами упростили Надежду взять на себя заботы о шустром первокласснике, потому что не хотели доверять ребенка чужому человеку. У Надежды на работе как раз было очередное затишье, то есть снова перестали платить зарплату, поэтому она с радостью согласилась, тем более что вознаграждение за истрепанные первоклассником нервы намного превышало размеры ее скромной зарплаты инженера.

Договорились начать с понедельника, то есть со вчерашнего дня. Надежда должна была приезжать к часу дня прямо к школе, забирать Диму, потом вести его в бассейн, на гимнастику и в кружок рисования, а потом надзирать за ним до шести часов вечера, не забывая контролировать приготовление уроков. Однако вчера понадобилось утром забежать на работу – разобраться с делами, так что поехать к матери за лампой Надежда смогла только сегодня. Кроме лампы мать впихнула банку огурцов и варенье, а также здоровенную тыкву, так что сумка весила не меньше пятнадцати килограммов, а мать еще ворчала и говорила, что для чего тогда она гнет спину на даче, если Надежда ничего не хочет брать, а ей одной столько не съесть и вообще ничего не нужно.

Надежда перевела дух, помассировала онемевшую правую руку и повеселела. Все не так плохо, общение с первоклассником проходит успешно, во всяком случае, три недели она выдержит. Она потянулась в сумку за книжкой и снова расстроилась. Детектив лежал на самом дне, нечего было и думать выкопать его из-под банок и лампы. Теперь придется сорок пять минут маяться дурью, потому что спать в транспорте Надежда не умеет, уж такая особенность у ее организма. И детектив интересный, а дома не считаешь – куча хозяйственных дел. Донельзя разозленная, Надежда мрачно уставилась на скамейку напротив. Там дремала женщина ее лет, старичок читал газету, а в самом углу сидел странный парень. Надежда отвела глаза, чтобы не пялиться на незнакомого человека, прочитала над головой парня рекламу водки и магазина одежды для полных, а потом опять скосила глаза на парня. Одет он был просто, скромно и как-то неприметно – серая куртка, вязаная шапочка по самые брови. Но странность заключалась в другом. Во-первых, сидел он неестественно прямо, как говорится – «аршин проглотил». Хотя... Надежда пригляделась внимательнее и поняла, что аршин тут не подходит. Было похоже, что парень проглотил не аршин, а ватерпас и теперь старается сидеть так, чтобы уровень не колебался. Парень как бы прислушивался к чему-то внутри себя, глядя на окружающих отсутствующими глазами.

Надежда пожала плечами и отвернулась, но глаза ее опять уперлись в надоевшую рекламу. Тогда она попыталась прочитать что-нибудь в газете старичка напротив. Удалось разглядеть только заголовок «Пожар “У Клары и Карла”». Она искоса посмотрела на молодого человека напротив. Он продолжал сидеть в той же скованной позе, ни разу не пошевелился. «Как он не устает? Ведь все время в таком напряжении?» – заинтересовалась Надежда. Как бы в ответ на ее мысли, парень осторожно приподнялся, причем не наклоняясь, словно старался не расплескать что-то ценное внутри; на лице проявилось напряжение от усилия, когда он встал, медленно распрямился и направился к выходу. Двери открылись, парень пошел, механически переставляя ноги. В походке его было что-то знакомое. Надежда встрепенулась, помотала головой, стремясь избавиться от наваждения, и вдруг вспомнила. Точно такую же походку она видела вчера, и именно здесь, в метро. Она сидела на этом же месте – в первом вагоне в углу, и напротив сидел мужчина. Приличный такой мужчина, в хорошем кашемировом пальто, волосы густые, светлые... Надежда мельком взглянула на него и уткнулась в детектив, отметив некоторую странность. Но вчера ей некогда было думать о посторонних мужчинах в метро. Сегодня же Надежда с трудом извлекла из глубин памяти увиденный образ и поняла, что вчерашний мужчина был похож на сегодняшнего молодого парня – не внешностью и не одеждой, а этим таким странным выражением лица, этой напряженностью, как будто человек прислушивается

к себе и оттого держится неестественно прямо. Мужчина вышел на «Черной Речке» и пошел к эскалатору точно такой же походкой, как и сегодняшний молодой человек.

Немного удивившись такому совпадению, Надежда пожала плечами и сосредоточилась на мыслях о приготовлении ужина.

Газета «Нива», номер 29 за 1915 год

Действительный член Гессенской Королевской академии Г. Мельц посредством древнеассирийских магических приемов гарантирует вам полнейший успех в любых переговорах или коммерческих начинаниях.

Чертог, то бишь «Голден-Холл», сиял. Все действо было задумано и оформлено с большим вкусом. Несмотря на безумно дорогие билеты, зал был битком набит. Конкурс подходил к финалу. По сцене в торжественном дефиле проплывали пять претенденток на первое место. Нельзя было не признать, что Арина Сазонова в изумительном черном с серебром платье от Юдашкина, прекрасно оттенявшем светлый шелк ее волос, была чудо как хороша. Легкая, почти неуловимая вульгарность ее лица сегодня совершенно не была заметна. И зрители, и члены жюри любовались ею, но члены жюри в отличие от зрителей знали, сколько труда и денег было вложено, чтобы в финал вместе с Ариной вышли три девушки, не составлявшие ей конкуренции, да к тому же не имевшие достаточно богатых спонсоров... Четвертой, вернее первой, должна была стать Катя Михайлова, неожиданно снявшая свою кандидатуру, – и теперь вместо нее шла по подиуму случайно пробившаяся в финал модель из второразрядного агентства.

Судьба первого места была предreshена. Ведущая конкурса, многообещающая молодая актриса, изображая немыслимое волнение, как это делают ведущие «Оскара», вскрыла конверт с именем победительницы и радостно пропела:

– В этом году титул «Мисс Обаяние» завоевала... Арина Сазонова!

Зал разразился аплодисментами – Арина действительно произвела на всех сильное впечатление. Началось вручение наград и призов. Одним из первых по приглашению ведущей поднялся на сцену Вадим Крутицкий – спонсор Арины, один из богатейших и влиятельнейших людей города. У него был для Арины специальный приз – документы на новую серебристо-голубую «ауди», которая прекрасно подходила к ее глазам. Крутицкий поставил условие, чтобы он вышел на сцену первым – даже раньше представителя французской фирмы «Иль де парфюм», контракт с которой был гарантирован обладательнице первого места в конкурсе «Мисс Обаяние».

Крутицкий поднялся на сцену и уже доставал из кармана своего мешковатого, несмотря на немыслимую цену, пиджака, конверт и хотел произнести речь, как вдруг, повинуясь импульсу, поднял глаза. Сверху, из будки осветителя, на него смотрел мертвыми, невыразительными глазами худощавый парень, одетый в униформу.

– Что, что такое? – вполголоса проговорил Крутицкий, за долгие годы занятий полукриминальным бизнесом развивший в себе звериное чувство опасности.

Парень молча смотрел на него мертвыми глазами, и Крутицкому вдруг показалось, что это смерть глядит на него сверху. В ту же секунду от будки осветителя отделилась громадная металлическая штанга с софитами и как огромный маятник понеслась по плавной дуге вниз, к сцене, к нему, Крутицкому... Вадим замер, как громом пораженный. Он не мог ни вскрикнуть, ни пошевелиться, только смотрел, как неумолимо приближается к нему смертоносный маятник...

Увидев выражение его лица, Арина тоже подняла глаза. Она не успела испугаться, все происшедшее заняло, должно быть, несколько секунд, только Крутицкому эти секунды показались вечностью.

Металлическая конструкция пронеслась над ним как нож гильотины, снеся напрочь голову, и, оборвав провода, отлетела в дальний конец сцены. Кроме Крутицкого, никто не пострадал, но Арина, увидев своего обезглавленного спонсора, любовника, хозяина, завизжала тонко и страшно. Прекрасное платье от Юдашкина было залито кровью, она стояла посреди сцены с ужасным, перекошенным лицом и визжала. Остальные девушки сбились в кучку в углу, их не задело.

Охранник Крутицкого, проследив за взглядом окружающих и за гирляндами оборванных проводов, увидел осветителя и, выхватив из заплочной кобуры «беретту», дважды выстрелил. Угол стрельбы был неудачен, выстрелы не достигли цели, но осветитель сам двинулся к краю площадки. Он шел со странной скованностью, словно пытался не расплескать что-то внутри себя, но с края площадки шагнул в пустоту и, пролетев отделявшие его от сцены двадцать метров, ударился о подиум со страшным, чавкающим звуком.

Вся публика давно уже стояла затаив дыхание и в ужасе наблюдала за разворачивающейся трагедией.

В самом центре сцены, между двумя трупами, стояла Арина Сазонова в невысказанно прекрасном платье от Юдашкина, залитом кровью и темными сгустками, и истошно, страшно кричала на одной ноте. Растерянный охранник оглядывался по сторонам, судорожно подстегивая единственную оставшуюся мысль: кого замочить?

Первым опомнился помощник Крутицкого, Антон Ребров. Он взбежал на сцену, подскочил к Арине, протянул руки, как бы обнимая ее, а сам незаметно нажал болевую точку на ключице. Арина вскрикнула сильно, потом замолчала, опомнилась и завертела головой по сторонам, пытаясь осознать, где она находится и что случилось. Антон тут же подхватил ее под руку, стараясь не испачкаться в крови и прочей дряни, и скорее повел прочь, пока она снова не впадала в истерику. Он начал уже прибирать к рукам наследство погибшего босса.

Сан Саныч пришел с работы поздно – по вторникам у него были вечерние лекции для пользователей персональных компьютеров. Несмотря на позднее время, решили все же после ужина провести сеанс облучения кота кварцевой лампой. Надежда была не против – ей-то завтра вставать не рано, ребенка она забирала из школы в час дня. Сан Саныч тоже готов был хоть всю ночь не спать ради своего любимца, но выяснилось, что активно протестует кот. Лампа слепила ему глаза, и вообще, владельцы кошек знают, что эти капризные создания способны лежать только там, где сами хотят, и заставить их что-то сделать помимо их собственной воли практически невозможно. Смазывая йодом пятую по счету царапину и слыша нежный голос мужа, который пытался выманить рыжего членовредителя из-под ванны, Надежда окончательно озверела. Она удалилась в комнату, плотно закрыв за собой дверь и, чтобы не слышать воркования Сан Саныча, включила телевизор погромче.

Время было позднее, передавали криминальные новости.

– Сегодня весь выпуск посвящен только одному событию – перестрелке в «Голден-Холле», в результате которой был убит известный в нашем городе бизнесмен Вадим Крутицкий...

Надежда поморщилась и выключила звук, глядя, как шевелятся губы ведущей. Интересная, довольно молодая женщина, видно, что следит за собой и со вкусом одевается. Костюмчик неплохой, сидит хорошо, нигде не морщит. Правда, на вид он из дешевой ткани, но, как объяснила недавно Надежде ее молодая сослуживица, это только кажется, что ткань дешевая, сейчас это писк моды. Надежда видела эту ведущую, Алену Багун, как-то в обычных новостях и еще в кое-каких передачах. Странную она выбрала профессию – сообщать людям об убий-

ствах, ограблениях и различных неприятностях. Но если обывателям нравится узнавать, что с другими людьми произошло что-то плохое, возразила сама себе Надежда, то почему бы не дать им возможность выслушать это из уст хорошенькой женщины? Хотя как раз хорошенькой ее не назовешь... Но несомненно, есть нечто такое в твердых чертах лица, что привлекает к нему людей. По крайней мере смотреть на нее приятно, она не какойнибудь приклатенный репортер или косноязычный сотрудник компетентных органов.

На экране в это время появился знаменитый Александр Каморный, уж без него-то не обойдется ни одно криминальное событие в городе. Надежде он не нравился, напоминал ворона, летящего на падаль, тем более что на экране он появлялся всегда в черном, и все же что-то заставило ее включить звук.

– Удивительно смелое убийство! – захлебывался Каморный. – При полном скоплении народа в зале так точно рассчитать и поразить свою жертву. Странно, на что рассчитывал убийца – шансов выйти из зала живым у него практически не было.

Камера показала «Голден-Холл», целую кучу милицейских машин с мигалками, омоновцев почемуто с закрытыми лицами, хотя от кого они прячутся, Надежде было непонятно – убийца-то уже обнаружен.

– Надя, помоги! – послышался крик мужа из ванной.

Они вдвоем еле вытащили кота и уложили его на кухонный диванчик. Сан Саныч успокаивал животное, Надежда держала лампу, а кот извивался и царапался. Через пять минут такой пытки Надежда снова не выдержала и ушла в комнату.

– Сейчас вы увидите, – слышался голос Каморного, – уникальные кадры. Оператору, который снимал конкурс, удалось заснять и момент убийства.

Камера обвела зал, полный шикарно одетой публики, девушек на подиуме – их осталось уже пять, то есть действие подходило к концу, и вскоре, как сообразила Надежда, должна была окончательно определиться победительница конкурса «Мисс Обаяния». Надежда загляделась на платья девушек, отметив одну, несомненно, привлекательную, яркую блондинку в черном. В это время хорошенькая ведущая, казавшаяся форменной пигалицей среди высоких претенденток, вышла на сцену с запечатанным конвертом в руках. Она вскрыла конверт, после чего началось всеобщее ликование – все поздравляли блондинку в черном. Ведущая обратилась в зал, где в первом ряду поднялся улыбающийся полный мужчина в плохо сидящем дорогом пиджаке. Девушка улыбалась и говорила неразборчиво, ведь пленка-то была прямо с пылу с жару – то есть над ней еще не успели поработать звукооператоры и монтажеры, а шустрый Каморный уже пустил ее в эфир.

Крутицкий – судя по всему, это был он – подошел к сцене сбоку и поднимался уже по лесенке наверх, как вдруг что-то замешкался, оступился, поднял вверх лицо. И здоровенная такая штуковина, Надежда не поняла, что это такое, свалилась сверху прямо Крутицкому на голову. После этого изображение пропало, очевидно, оператор от неожиданности сбил ракурс. Потом опять на экране появился Каморный.

– Как вы видели, жертву кто-то окликнул сверху, чтобы он остановился, а после этого ему сбросили на голову штангу с софитами. Охрана Крутицкого заметила человека наверху и начала стрелять. Очевидно, раненный, он не удержался и, сорвавшись, разбился насмерть. Преступника опознали. Им оказался осветитель Виталий Локотков, семьдесят пятого года рождения.

Камера показала лежащее скорченное тело.

– Локотков работал в «Голден-Холле» несколько месяцев и ни в чем предосудительном не был замечен, – продолжал Каморный. – Начальством и сотрудниками характеризуется положительно.

На экране появилась крупным планом показанная фотография, очевидно, из личного дела Локоткова.

– Нетрудно догадаться, что Виталий Локотков был только орудием в руках настоящего убийцы, – продолжал вещать за кадром Каморный.

Но Надежда его не слушала. Она уставилась на экран, не веря своим глазам. С черно-белой фотографии на нее смотрел сегодняшний парень из метро, который выглядел так странно и вышел на «Петроградской» – как раз там, где находится «Голден-Холл».

В комнате появился умиротворенный муж с котом на руках.

– Вот видишь, Надя, мы взяли себя в руки и провели сеанс, – с облегчением сказал Сан Саныч.

– С чем вас и поздравляю, – вздохнула Надежда.

Газета «Телезритель» от 17 мая 1999 года

Ставропольская знахарка Агриппина принимает индивидуально.

Она освободит вас от порчи, сглаза, наговора. Если вас преследуют неудачи, пропало взаимопонимание в семье и на работе, а также измучили недуги и вредные привычки – обращайтесь к Агриппине, она поможет...

Виктория Павловна Куницына расчесала подсохшие после ванны волосы, плотнее запахла мягкий махровый халат и устроилась на диване в своей уютной гостиной, накрывшись шотландским пледом. Была глубокая ночь, неярким светом горел торшер. Виктория Павловна нажала кнопку включения видеомэгнитофона и посмотрела на экран телевизора. Сегодня с утра после вчерашней, с позволения сказать, беседы с Крутицким она чувствовала себя совершенно разбитой. Поэтому она сделала несколько неотложных звонков и позволила себе расслабиться, провести день дома. На конкурс в «Голден-Холл» она и не собиралась. Но вечером ей позвонила секретарь агентства, до которой дошли слухи о страшном событии, случившемся только что в «Голден-Холле». Куницына не поверила своим ушам, пока не дозвонилась до распорядителя конкурса и не услышала подробности из уст непосредственного наблюдателя. Она долго сидела в кресле, задумавшись, потом поужинала, приняла душ, а потом посмотрела криминальные новости и даже записала их на видео. И вот в который раз перед ней проплыли кадры убийства.

Да, вот как бывает. Еще вчера Крутицкий орал на нее, издевался – и где он теперь? В холодильнике морга. Она хотела отомстить за унижение, но даже не понадобилось трудиться самой – судьба все сделала за нее. Полно, судьба ли? Ясно, что это заказное убийство, хоть и выполнено таким оригинальным способом. Крутицкий – очень крупный бизнесмен, под его началом была одна из двух компаний, контролирующих продажу бензина по городу и области, врагов у него предостаточно.

Однако что изменилось для нее самой? Крутицкого нет, конкурс завершился на самой трагической ноте: хоть и объявили победительницу, но официального утверждения победителей не было. Придется все отложить до лучших времен, а пока суд да дело, представитель фирмы «Иль де парфюм» улизнет от греха подальше к себе в Париж; она, Куницына, на его месте так бы и сделала. Вопрос с контрактом спустят на тормозах, Арина Сазонова ничего не получит – спонсора у нее теперь нет. Разумеется, деньги, вложенные Куницыной, пропали безвозвратно, но не в них, в конце концов, дело. Для Арины она найдет со временем контракт попроще, девушка ведь не виновата ни в чем.

Но чем грозит ей расследование убийства Крутицкого? Милиция, разумеется, никого не найдет, да и не будет сильно стараться. Но вот его партнеры... Уже небось известно, что накануне, то есть вчера, они с Крутицким ссорились в его офисе. Но это же смешно, она не

стала бы нанимать киллера, да еще такого странного, камикадзе, ведь шансов спастись у него не было... Но сможет ли она доказать это партнерам Крутицкого? И не нанять ли охрану?

Подумав, Виктория Павловна решила, что охрану нанимать не будет – если захотят, ее и с охраной достанут.

Она еще раз просмотрела пленку с записью убийства. А что, если это не заказ, а просто ненормальный осветитель решил таким образом кому-то что-то доказать? И если бы Катя вчера не пострадала в ресторане, то сегодня протеже Куницыной стояла бы на подиуме, а она сама тоже мелькала бы поблизости. Но нет, она не стала бы лезть на сцену, это Крутицкий решил выставиться, а она держалась бы в тени. Но псих, если он, конечно, псих, мог сбросить что-нибудь на девушек – можно считать, что Катя легко отделалась...

Виктория Павловна вздохнула. Нелепая случайность отняла у девушки все... Хотя не все, вот Крутицкий действительно потерял все...

Как уже говорилось, репортер криминальных новостей Александр Каморный дело свое знал отлично. К тому времени как в эфир пошли криминальные новости, он уже успел многое выяснить – и про конкурс, и про смену претенденток на первое место, и про вчерашнюю трагическую случайность в ресторане, в результате которой замечательная красавица Катерина Михайлова не смогла участвовать в конкурсе «Мисс Обаяние», да и вряд ли теперь сможет продолжать карьеру. Каморный мигом сопоставил в уме случайный пожар «У Клары и Карла», раненую девушку, ее счастливую соперницу, которая из-за убийства своего покровителя тоже, надо сказать, ни черта не получила... Запахло журналистским расследованием. Загадочное самосожжение, изуродованная красавица фотомodelь – публика такое обожает. Что касается убийства Крутицкого, то, если его заказали конкуренты, в это дело Каморный нос не сунет, а вот если порезвиться вокруг всей истории с фотомodelями и конкурсом – можно сделать интересный материал.

На следующее утро Каморный решил ковать железо, пока горячо, и с этой целью позвонил в агентство Куницыной. Там ответили, что Виктория Павловна очень занята и уделить время для интервью в этом месяце вряд ли сумеет.

Пробовали подъехать в больницу имени Эрисмана и уже уговорили было Катину лечащую врачиху пропустить их к девушке, как вдруг совершенно некстати заявился заведованием, глянул на врачиху так, что она мгновенно стала вдвое меньше ростом, а на самого Каморного с оператором рявкнул, чтобы духу не было в отделении разных проходимцев. Он проследил, как невезучие телевизионщики вышли на лестницу, и там, оглянувшись на дверь, добавил вполголоса несколько крепких мужских словечек, чем, надо сказать, Каморного несколько не удивил.

– Странно все это, – задумчиво протянул Каморный, – с одной стороны, вроде бы все логично – вывели из игры претендентку на первое место, чтобы протеже Крутицкого смогла получить выгодный контракт с этой фирмой, как ее... «Иль де парфюм». Но не слишком ли дорогой способ? Поджег себя и кинулся головой в зеркало, чтобы осколки порезали девчонку... Не проще ли было действовать бритвой, а, Коль?

Оператор Николай поежился, но кивнул.

– И ничего у них не вышло, – продолжал Каморный, – самого Крутицкого кто-то замочил, то есть не кто-то, а этот осветитель ненормальный.

– Она его наняла, баба эта, Куницына, – оживился Николай, – за то, что он ее девчонку порезал.

– Очень смешно, – буркнул Каморный, – прямо бандитские разборки какие-то получаются. Ты вот что скажи, – наугад забросил он удочку, – вокруг тебя по поводу этого дела никто не крутился, ничего такого не спрашивали?

– Да нет вроде, – неуверенно хрюкнул Николай. Каморный сразу же отметил эту малую толику неуверенности и насторожился.

Николай был замечательным оператором, но имел один недостаток – изредка любил заложить за воротник, то есть оттянуться на всю катушку. На телевидении знали про этот его недостаток, и не напрасно в голову Каморного закрались подозрения, потому что кое-кто использовал его себе во благо. Каморный же очень не любил, когда таскали его материал, даже уже использованный. Это была его прерогатива – знать про всех все и иметь компромат на всех.

– Устал я что-то сегодня, – потянулся он, – надо бы стресс снять.

– Это можно, – оживился Николай, – вот приедем, у меня коньячок хороший имеется.

Коньяк действительно оказался хорошим. Каморный наливал, умело направляя разговор в нужное русло, и вскоре опьяневший Николай проболтался, что коньяк ему подарила девушка Света из монтажной.

«Чтобы такому валенку девушка дарила хороший коньяк?» Каморный окончательно уверился, что дело нечисто.

– Николай, ты работой своей доволен? – спросил Каморный таким тихим голосом, что с Николая мигом слетел весь хмель.

– Д-доволен, – ответил он и отвел глаза.

– Тогда колись, за что тебе Светочка подарила коньяк! – отрубил Каморный.

Николай хотел было начать канючить, но посмотрел в очень светлые глаза Каморного – они становились такими, только когда он злился, – и, путаясь и запинаясь, сообщил Каморному, что Света попросила сделать ей на память копию видеокассеты с пожаром в ресторане. Он согласился – ведь пустяк, потому что материал уже был в эфире, так что никого он, Николай, не подвел и ничего плохого не сделал.

– Так-так, – пробормотал Каморный, – на память, говоришь... Ты знаешь, как я этого не люблю?

Николай мямлил что-то невразумительное.

– Может, тебе у нас работать надоело и ты вообще хочешь с телевидения уйти? Ты смотри, Николай, если от меня уйдешь, то я так могу устроить, что ты вообще ни на одном канале работы не найдешь. Может, ты думаешь, у меня связей не хватит?

Николай знал: чего-чего, а связей, чтобы подгадить ему как следует, у Каморного хватит.

– Извини, Шура, – повесил он повинную голову.

– Ладно, сейчас работаем, с девчонкой я сам потом поговорю. На память, значит... ну-ну.

Сама по себе девушка Света из монтажной нисколько Каморного не интересовала, но его крайне интересовал вопрос, зачем она попросила копию видеокассеты. Для чего или, вернее, для кого она это сделала?

Александр Каморный очень любил задавать вопросы. Но еще больше он любил на них отвечать. Если сам он не знал ответа, то находил людей, которые знали, и любыми средствами добивался, чтобы ему ответили.

Как герой замечательного советского романа «Золотой теленок» великий комбинатор Остап Бендер имел в своем активе четыреста относительно честных способов отъема денег у обывателя, так и репортер криминальной хроники Александр Каморный знал не менее четырехсот способов заставить человека ответить на его вопросы. Относительно честности этих способов можно было выразить некоторое сомнение, потому что входили в них и шантаж, и запугивание, и элементарный подкуп. С принципами у Саши Каморного с детства проблем не было. Информация давала ему власть над людьми, а совесть, честь и достоинство – это, по выражению известного юмориста, слова греческие, мы их не понимаем. Некоторую информацию Каморный придерживал, она дожидалась своего часа, и это был вариант беспроектный. Некоторую информацию за хорошие деньги он соглашался забыть – не навсегда, на время. Информация – товар ходовой, грех этим не воспользоваться. И Каморный пользовался этим

вовсю, сколотив за годы работы неплохой капитал. Это идиотам зрителям он представлялся бесребреником, болеющим за город и его жителей. Его невысокая, узкоплечая фигура, всегда в одном и том же черном свитере, стала символом... чего? – он не уточнял.

Света сидела в маленькой полутемной комнате одна, как вдруг почувствовала, что рядом с ней кто-то есть. Она скосила глаза – на соседнем пустом столе сидел Каморный, как всегда весь в черном, и болтал ногами.

– Что за манера – подходить неслышно? – раздраженно сказала Света. – Тебе чего?

Каморный мягко прыгнул со стола на пол и, крадучись, подошел к ней.

– Лапушка, – он наклонился к самому ее уху, – говорят, ты мной интересуешься?

– С чего ты взял? – Она отстранилась и пожала плечами. – По-твоему, если бабули обмирают, на тебя по телевизору глядя, так и все должны тобой интересоваться?

– Ну, не надо скромничать, – засмеялся Каморный неприятным скрипучим смехом.

Своему голосу он умел придать любое звучание – мягкое или грозное, смотря по обстоятельствам, но со смехом ничего не мог сделать – смеялся он очень неприятно. Он это знал, поэтому на экране всегда был серьезен, даже строг – выбрал такой имидж.

– Слушай, ты мне мешаешь, – с досадой проговорила Света. – У меня работа, да и тебе, я знаю, скоро в эфир.

– Деточка, – проникновенно начал Каморный, – ты как со мной разговариваешь? Как ты смеешь?

По ходу вопроса он нависал над Светой, и теперь она видела совсем рядом его светлые, почти прозрачные, страшные глаза.

«Да он псих!» – мелькнуло в голове.

– Отстань от меня! – Помимо воли в ее голосе прозвучал страх, она даже махнула рукой, стараясь оттолкнуть его страшное лицо.

Каморный перехватил ее руку и сжал кисть железной хваткой.

– А ну, говори быстро, для кого брала у Кольки копию видеокассеты! – прошипел он.

– Отпусти, мне больно, – застонала Света, – я сейчас заору.

Каморный усмехнулся и немного ослабил хватку. Это был один из его способов получения нужной информации – от невысокого, даже щуплого на вид, узкоплечевого репортера никто не ожидал физической силы, поэтому на многих, особенно женщин, такой прием действовал безотказно: женщины слабели от страха и неожиданности и рассказывали всё. Разумеется, с мужчинами, настоящими мужчинами, а не слизняками и тряпками, Каморный опасался разговаривать в таком духе – можно получить в морду. Разозленный мужчина способен на многое под влиянием минуты – потом он может пожалеть, что не сдержался, но в ярости очень даже просто может отметить будь здоров, так что две недели в эфир не выйдешь. Каморный очень заботился о своей внешности.

– Ну, так для кого ты взяла кассету? – обратился он к Свете.

– Тебе какая разница? – отмахнулась она. – Я с Колькой расплатилась.

– А со мной – нет. – Он опять больно стиснул ее руку, но Света была начеку и двинула его каблук под коленку.

– А ну пошел отсюда, а то как тресну!

Александр Каморный был очень хорошим репортером и замечательным знатоком человеческой души. В данный момент он сразу понял, что Света его не боится и что следует срочно сменить тактику.

– Дорогая, – он отпустил Свету и даже отошел подальше, – я привык получать ответы на свои вопросы. И ты мне сейчас все расскажешь, иначе...

– Иначе – что? – прищурилась Света. – Ты сделаешь так, что меня уволят с телевидения? Я тебя умоляю, неужели ты думаешь, что я стану цепляться за эту работу?

– Да, – задумчиво произнес Каморный, – за эту работу ты, разумеется, цепляться не будешь... И чувствуешь себя в полной безопасности, имея покровителя – я еще не знаю, какого, но догадываюсь. Светлана Малькова, 1976 года рождения, проживает с матерью и младшей сестрой Ириной, 1980 года рождения, – начал он голосом старого кадровика.

Света насторожилась.

– Ирочка очень хорошенькая и умница, закончила платное отделение при институте Герцена. Знает два языка. И в прошлом году она познакомилась с английским моряком. Корабли приходили с визитом вежливости, и девушек приглашали переводить. Такой милый молодой человек, Джулиан, мама и папа имеют ферму в графстве Йоркшир. Дети влюбились с первого взгляда, и вот как раз сейчас Ирочка получила диплом и собралась ехать в Англию к жениху. Прелестная девушка, английские папа с мамой просто в восторге от будущей невестки. Но вот интересно, как изменится их мнение, если они узнают, что в шестнадцать лет Ира попала в плохую компанию, увлеклась наркотиками, даже была задержана однажды в ночном клубе и в состоянии сильного наркотического опьянения привезена в двадцать третье отделение милиции города Санкт-Петербурга, о чем имеется запись в протоколе от семнадцатого марта одна тысяча девятьсот девяносто шестого года. – Каморный весело посмотрел на побледневшую Свету и продолжил: – И еще: совсем некстати случившийся в отделении репортер успел щелкнуть юную наркоманку в таком виде, что чопорные англичане копыта отбросят, когда увидят фотографию.

Света не издала ни звука, Каморный даже удивился подобной выдержке.

– Вы с сестрицей, конечно, можете надеяться, что если Джулиан любит свою невесту, то не посмотрит на ее прошлое – с кем по молодости не бывает? И даже родители, когда увидят Ирочку воочию, изменят свое мнение. Так вот, напрасно вы на это надеетесь. Ни хрена они не изменят мнение, потому что ни Джулиану, ни респектабельным родителям просто не дадут возможности узнать Ирочку поближе. Англичане вообще не любят пускать на свой остров чужих, особенно молодых женщин сомнительной репутации. Если не ошибаюсь, Ирочке как раз в эти дни оформляют визу? Как думаешь, какой ответ даст консульство, если послать им фотографию шестнадцатилетней наркоманки и копию протокола?

Каморный с нетерпением ожидал взрыва, рыданий, того, что Света бросится на него с кулаками. Именно эти минуты он, сам себе не признаваясь, находил самыми приятными в своей работе. Опасаясь нападения, он даже отошел в угол комнаты, но Света молчала, отвернувшись. В глубине души Каморный несколько растерялся – он исчерпал все свои аргументы, а результата пока не достиг. Наконец она повернулась и посмотрела на него пристально. Взгляд ее Каморному понравился. Хороший взгляд, прямой и честный, чувствовалось, что его обладательница не задумываясь разорвала бы Каморного на куски или переехала автомобилем, причем сделала бы это своими руками, никому не поручая и не надеясь на посторонних.

– Ты понимаешь, что я готова сделать все, чтобы Ирка уехала в Англию?

– Понимаю, дорогая, иначе я не стал бы затрагивать этот вопрос.

– Ты понимаешь также, что если ты по злобе или подлости характера все же сделаешь так, что ей не дадут визу, то мне станет нечего терять.

Каморный еще раз заглянул ей в глаза и согласился.

Далее, отвечая на его наводящие вопросы, она рассказала, что копию видеокассеты ее просил достать Антон Ребров, доверенный помощник Вадима Крутицкого, ныне покойного. Зачем ему это было нужно, она, Света, понятия не имеет.

– Доверенный помощник, говоришь... – задумчиво бормотал Каморный. – А откуда ты его знаешь? Спала с ним, что ли?

– Ты не поверишь, но не спала и не собираюсь, – устало улыбнулась Света. – Просто в детстве мы жили в одном доме.

– А как он живет сейчас? – заинтересовался Каморный. – Семья, дети, какая квартира?

– Откуда я знаю! – Света пожала плечами. – Я сказала, что знала, а теперь – проваливай. И помни наш уговор: мне терять нечего.

Света Малькова, сколько себя помнила, всегда считалась старшей. Это внушили ей родители лет примерно с четырех, когда родилась младшая сестренка Ирочка.

«Ты старшая, – говорили ей, – и должна понимать, что младенцу нужен покой, поэтому нельзя прыгать и играть в шумные игры».

«Ты старшая, – говорили ей по прошествии шести лет, – и должна не бегать с подружками, а присматривать за сестрой во дворе, не отпуская ее от себя ни на минуту».

«Ты старшая, – твердила мать, – и должна вовремя приводить сестру из школы и контролировать приготовление уроков».

И Света все делала, не потому что была особенно послушным ребенком, а потому что действительно чувствовала ответственность за младшую сестренку. Родителям было некогда: отец часто ездил в командировки, а мать работала, но все как-то неудачно – какие-то у нее были бесконечные проблемы с работой, потому что была она человеком взбалмошным и не могла подолгу уживаться ни в одном коллективе. Она часто меняла место работы и, не имея специального образования, устраивалась то техником, то секретаршей, то вообще лаборанткой. Первое время шла она на новую работу, как на праздник, и по утрам, тщательно накладывая макияж перед зеркалом, рассказывала дочерям, какие замечательные люди работают в ее новом коллективе, какая в отделе творческая атмосфера и здоровый психологический климат. Так продолжалось несколько месяцев, после чего мать начинала приходить с работы взвинченная, начальника называла старым козлом, сотрудники мужского пола становились у нее хамами, а сотрудницы – все поголовно стервами и старыми грымзами. Заканчивалось все тоже всегда одинаково – мать увольнялась по собственному желанию и проводила время, лежа на диване с телефоном в одной руке и сигаретой в другой. Потом она оживала, говорила, что ей осточертел быт – все эти кастрюли и грязное белье, и история с устройством на работу начиналась заново. Естественно, при такой сложной жизни матери некогда было заниматься дочерьми.

И Света учила Ирочку самым необходимым вещам: кататься на двухколесном велосипеде, собирать кубик Рубика, читать, потом, лет в двенадцать – красиво укладывать волосы и красить ресницы.

Когда Свете исполнилось семнадцать и она заканчивала школу, а Ирка вступила в спокойный возраст тинейджеров, родители не придумали ничего лучшего, как развестись. Дело происходило летом, Ирочку отправили в пионерский лагерь, а Света сдавала выпускные экзамены. И вот, как раз перед математикой, родители и огорошили ее известием.

– Вы что – рехнулись? – только и могла она сказать.

Мать бегала как безумная по комнате, непрерывно куря и рассыпая вокруг пепел, отец морщился и отводил глаза.

– Выйдем на балкон, – кивнула ему Света. – Ты соображаешь, что делаешь? – накинулась она на него злым шепотом. – На кого ты нас оставляешь? Ведь она же совершенно не умеет жить!

Отец промямлил что-то по поводу того, что он будет присылать деньги.

– Сколько? – агрессивно наступала на него Света. – И потом, что значит – присылать?

Отец пробормотал, что да, он переезжает жить в Москву (не случайно ездил так часто туда в командировки, поняла Света). Он все оставляет им – квартиру, имущество, а сам начинает с нуля, на новом месте, с новой женой.

– В одной семье порядка не навел, так и в другой ничего не получится! – зло прошипела Света.

– Стерва какая выросла! – отшатнулся он.

– Заткнись! – закричала дочь уже в полный голос. – Ирка еще маленькая совсем, кто ее будет растить? Ты об этом подумал?

Отец только махнул рукой и через несколько дней уехал, а у матери, как Света и опасалась, началась сильнейшая депрессия. «Ей только повод дай себя пожалеть!» – зло думала Света. Иру оставили в лагере еще на одну смену, а про то, что Света сдает выпускные экзамены и нужно как-то определяться с дальнейшей учебой, родители просто забыли.

Мать валялась на диване нечесаная и курила так, что Свете хотелось иногда вызвать пожарную команду. Потом мать стала куда-то уходить надолго, Свете некогда было за ней следить. Выпускные она сдала кое-как, о поступлении в институт нечего было и думать – ни денег нет платить репетиторам, ни времени на подготовку, да и желание пропало.

Прошел месяц, Света с недобрым чувством ждала приезда младшей сестры, и предчувствия ее не обманули. Узнав новости, Ирка стала проводить время так же, как мать: рыдала и валялась на диване, только что не курила. Они вообще с матерью были похожи не только внешне – обе имели неустойчивый, слишком эмоциональный характер, только мать неуживчива и неприятна в общении, а Иришка – человек легкий, но слишком сентиментальный.

Денег от отца не поступало; тогда Света позвонила ему в Москву и задала прямой вопрос, на который получила такой же прямой и весьма холодный ответ. Отец сказал, что все деньги, что были отложены у него – три тысячи долларов, – он оставил матери, и что неужели за два месяца они уже кончились, и пусть Света передаст матери, что он не Рокфеллер и не может содержать их, как королев.

Света похолодела и повесила трубку. Матери не было дома, Света перевернула вверх дном всю квартиру и нашла деньги, вернее, то, что от них осталось, – немногим больше тысячи баксов. Как выяснилось позже, остальное мать уже успела потратить на всевозможных колдунов и экстрасенсов, которые обещали ей вернуть мужа с помощью самых различных способов. Деньги ушли, как вода в песок, а муж и не собирался возвращаться. Света забрала остатки долларов и, в свою очередь, спрятала их так, что ни матери, ни Ирке ни за что было их не найти. С Иркиной депрессией она расправилась быстро: схватила сестру за волосы и выволокла в ванную под холодный душ – все как рукой сняло, а потом отправила в школу, благо наступило первое сентября. Руки чесались устроить такую же трепку матери, но Света прикинула свои возможности и отступилась: мать, несмотря на тонкую душевную организацию, имела приличный вес и комплекцию плотную – в свое время и начала из-за этого курить, надеясь отодвинуть надвигающуюся полноту.

Лишившись денег, мать стала ходить в участковую поликлинику, жалуясь на несуществующие болезни, а Света устроилась продавщицей в хозяйственный магазин рядом с домом. Мать о работе и не помышляла – выяснилось, что у нее пониженное давление и теперь встать раньше одиннадцати утра стало ей невозможно.

Умерла бабушка и оставила Свете маленькую однокомнатную квартиру. Света сдала ее знакомым, жить стало полегче, да и отец иногда кое-что присылал на Ирку. Так и жили, Света нашла работу получше – в одной фирме, пришлось, правда, спать с директором, но не очень часто. А потом Ирка попала в плохую компанию, начала курить травку и даже колоться. Света тогда как-то ослабила контроль – нужно же было и о себе немножко подумать. В общем, выяснилось все, только когда Ирку задержали в ночном клубе и отправили в отделение.

Вот тогда очень помог Антон Ребров. Они раньше жили в одном доме, Антон был старше Светы на три года. Потом он переехал в свою квартиру, но изредка навещал родителей.

Они тогда совершенно случайно столкнулись во дворе, и Антон сам поинтересовался, что же случилось: видно, выглядела Света так, что даже постороннему человеку было ясно, что у нее несчастье. Антон выслушал девушку, дал телефон частной клиники, сказал, что платить не надо – у него там связи. Через два месяца Ирку выписали и перевели в другую школу, все

наладилось. Антону Света просто сказала, что сделает все, что он попросит, в любое время и в любом месте. Тот посмотрел оценивающе и кивнул согласно.

Он нечасто к ней обращался, и в общем-то по мелочи: сообщать ему некоторые новости до того, как они пойдут в эфир, а также то, что поступает из Москвы. Света к тому времени ушла из своей фирмы – уж очень директор надоел – и устроилась на телевидение.

На следующий день после трагедии в «ГолденХолле» Антон Ребров созвал экстренное заседание Городской Нефтяной Компании. Увидев, что он занял место Крутицкого во главе стола, учредители переглянулись, но до поры промолчали. Они не хотели пока решать между собой главный вопрос – кто займет место покойника, поскольку не выяснили еще действительный расклад сил, и позволили Антону посидеть на этом месте – пусть мальчик потешит самолюбие.

– Вы все знаете, по какому печальному поводу я пригласил вас в этот кабинет. Вадим Георгиевич трагически погиб, и мы сегодня должны оценить сложившуюся ситуацию, наметить первоочередные шаги, которые следует предпринять, чтобы наша компания не утратила своих позиций в топливном бизнесе города...

Участники совещания, тертые, опытные люди, много повидавшие на своем веку, без особого интереса слушали речь Антона – говорит парень общие слова, сотрясает воздух... Гораздо больше их интересовал расклад сил в правлении фирмы после смерти Крутицкого, поэтому они с опаской поглядывали друг на друга, пытаясь оценить, спелся ли кто-нибудь из них втихую, чтобы захватить власть и потеснить остальных компаньонов, возникли ли в правлении какие-либо сепаратные группировки...

Антон между тем продолжал:

– Мне кажутся особенно важными два момента. Мы не знаем, кто убил Крутицкого, но наиболее вероятно, что за этим убийством стоят наши основные конкуренты. Кому еще может быть настолько выгодна его смерть? Теперь в сложившейся ситуации они будут считать, что приобрели временное преимущество, обезглавив нашу фирму... – Антон не заметил или сделал вид, что не заметил, насколько буквально он употребил слово «обезглавив», но сидевший справа от него Теймураз Аполлонович Нодия невольно поморщился, – и постараются вытеснить нас с рынка. Значит, мы должны, во-первых, полностью сохранить под контролем ситуацию в нашей компании, не растерять силы в борьбе за власть, – Антон жестким внимательным взглядом окинул сидящих за столом, – и, во-вторых, нанести ответный удар, именно сейчас. Когда они этого совершенно не ожидают.

Люди за столом зашевелились, слова Антона явно произвели на них надлежащее впечатление. Разумеется, они и без Антона подозревали, что за убийством Крутицкого стоит их главный конкурент на топливном рынке города – компания «Петройл», но предложение нанести конкурентам ответный удар (никто не сказал вслух, что имеется в виду, но это и так было для всех очевидно) показалось компаньонам неожиданным, опасным, однако явившим решительного и жесткого руководителя. От молодого Антона, которого считали всего лишь «шестеркой» Крутицкого, мальчиком на побегушках, такого не ждали.

Антон тем временем продолжал:

– Я взял на себя смелость подготовить этот ответный удар, нашел квалифицированного исполнителя и провел с ним предварительные переговоры. Не напрямую, конечно, – с соблюдением всех необходимых мер предосторожности. Если вы, господа, не возражаете против такой меры, – а она представляется мне абсолютно разумной и своевременной, – я дам команду об исполнении нашей... просьбы.

Члены правления переглянулись. Никто из них не возразил. Антон кивнул и сказал:

– Я расцениваю ваше молчание как поддержку этой акции и благодарю всех за оказанное мне доверие. Теперь я хотел бы поделиться с вами некоторыми своими соображениями по

организационным вопросам. Только что вы оказали мне доверие... Было бы разумным, чтобы ваше доверие оказалось еще большим и вы доверили мне руководство компанией, по крайней мере на первое время.

За столом поднялся возмущенный ропот: такой наглости от Реброва не ожидали.

Антон же поднял руку, призывая собравшихся к тишине, и продолжал:

– Мое предложение могло показаться вам необдуманным, однако я попрошу вашего внимания еще на несколько минут и постараюсь привести несколько аргументов в пользу этого варианта.

Члены правления по-прежнему возмущенно переговаривались, но одновременно старались не пропустить ни слова из выступления Антона.

– Аргумент первый. Покойный Вадим Георгиевич очень мне доверял... Конечно, такое доверие мне, возможно, не удалось еще полностью оправдать... Однако оно, это доверие, было так велико, что я стал единственным человеком, кроме него, имеющим право распоряжаться суммами из «Фонда В». Все вы знаете, насколько значительны эти суммы. Конечно, вполне возможно изменить право доступа к фонду, но это потребует значительного времени, а временем на данный момент мы не располагаем.

После таких слов в кабинете началось уже что-то невообразимое. Господа учредители кричали все одновременно, кто-то вскочил и полез за пазуху, забыв, что все сдали личное оружие охранникам. Дело заключалось в том, что «Фонд В», предназначенный для специальных целей – подкупа высокопоставленных государственных чиновников, – был святой святых фирмы. Счет был открыт в одном из знаменитых швейцарских банков, славящихся своей надежностью и конфиденциальностью, деньги там хранились огромные, и распоряжаться ими мог только председатель правления с разрешения всего совета... И вот теперь выясняется, что мальчишка каким-то образом сумел прибрать счет к рукам!

А «мальчишка» потратил на это всю предыдущую ночь. Сразу же после убийства Крутицкого, как только смог уехать из «Голден-Холла», Антон обыскал кабинет шефа, и поиск его увенчался успехом: он нашел в сейфе секретный код, которым сопровождалась все распоряжения по швейцарскому счету. Затем с личного факса шефа он отправил сообщение о том, что операции по счету доверяются лично ему, Антону Реброву, и поставил внизу подпись Крутицкого, аккуратно сняв ее при помощи обычного ксерокса с кадрового приказа по фирме. Швейцарцы убедились, что распоряжение поступило с личного факса Крутицкого, подписано им и сопровождается его личным кодом – и дали ему ход. Так что в данный момент Антон Ребров был единственным человеком, который мог распоряжаться многомиллионным фондом.

– Аргумент второй, – продолжал Антон спокойным и твердым голосом, мгновенно заставив всех присутствующих затихнуть и прислушаться. Он включил переговорное устройство и негромко распорядился: – Алиса, принесите, пожалуйста, конверты.

В кабинет вошла секретарша председателя Алиса. Пройдя вокруг стола, она положила перед каждым участником совещания конверт с напечатанным на нем именем получателя.

– Прошу вас, господа, вскройте свои конверты.

Заинтригованные учредители разорвали конверты и углубились в чтение. Впрочем, долго читать им не пришлось – в каждом конверте был только один листок, и на большинстве листков была напечатана только одна фраза. Однако этого оказалось достаточно для того, чтобы в комнате стало жарко, как в бане.

– Ты, молокосос, что себе позволяешь? – заорал, вскочив из-за стола, Павел Шмарин, чьи связи в уголовном мире города ни для кого не были секретом. – Да я тебя в пыль разотру!

Антон спокойно улыбнулся, снова включил переговорное устройство и произнес на этот раз только одно слово:

– Олег!

Двери кабинета распахнулись – все двери одновременно, – и в кабинет вошли плечистые, коротко стриженные молодые люди с короткими десантными автоматами в руках.

– Господа, – как ни в чем не бывало продолжал Антон, – я не хочу, чтобы вы думали обо мне плохо. Просто я предвидел слишком нервную реакцию участников сегодняшнего совещания и принял меры для того, чтобы никто из вас не поспешил с необдуманным решением. Я прошу вас сохранять спокойствие, еще раз прочитать то, что находится в конвертах, и подумать.

Нервно оглядываясь на стоящих у дверей бойцов, «господа» учредители вновь перечитали свои листки. Каждый получил возможность ознакомиться с кратким перечнем имеющегося на него компромата. Этот материал собирал Крутицкий, и Антон в свое время внес немалый вклад в его частные расследования. Крутицкому компромат на партнеров нужен был для полного контроля над компанией, и ту же цель преследовал сейчас Антон... Только один листок был чистым: листок Нодия. Теймураз Аполлонович понял смысл чистого листа: это было недвусмысленное предложение поддержать молодого председателя и разделить с ним фактическое руководство компанией. Нодия оглядел сидящих за столом, увидел их лица, искаженные страхом и злобой, и внутренне одобрил действия Антона Реброва. Этот парень достаточно решителен, жесток и беспринципен для того, чтобы руководить компанией.

– Что вы слушаете этого сопляка? – заорал Шмарин, снова вскочив на ноги. – Да ему, дешевке, ларек на рынке доверять нельзя! Он до вечера не доживет, я обещаю! – И Шмарин бросился к двери, не обращая внимания на дула автоматов.

Антон не торопясь вынул из кармана небольшой плоский пистолет и выстрелил в затылок несговорчивого компаньона. Шмарин споткнулся и рухнул на ковер как подкошенный.

– Это была вынужденная мера, господа, – сказал Антон вежливым, чуть виноватым голосом. – Павел Артурович вел с нами не вполне честную игру. В прошлом году он присвоил деньги компании... Довольно значительную сумму. Помните неожиданное требование тамбовцев? Тамбовцы были тут ни при чем, это Павел разыграл тогда собственную игру. Кроме того, он неоднократно продавал конкурентам наши коммерческие секреты... такой человек не может быть участником совета учредителей, не правда ли? Я думаю, мы воспользуемся кворумом и выведем его из совета. Олег, – обратился Антон к начальнику охраны, – распорядись, чтобы здесь убрали.

– Я думаю, – медленно и весомо заговорил Теймураз Аполлонович, – что господа учредители со мной согласятся: сегодня наша компания входит в новый, блестящий период. В лице господина Реброва мы видим очень многообещающего руководителя. Пусть он молод... Но этот недостаток со временем пройдет. А в остальном он кажется мне замечательным кандидатом на пост председателя совета. Кто согласен со мной? – И старый пират поднял руку, как делал это не раз на пленумах обкома партии, на коллегии КГБ...

Руки начали неуверенно подниматься одна за другой, и зоркий глаз Теймураза фиксировал все – растерянность на одном лице, колебания на другом, страх и ненависть на третьем... Замечать все было у Теймураза профессиональной чертой: политика – бизнес психологический.

Антон обменялся с ним взглядом, и оба они поняли, что сегодня сыграли свою игру, и карта им пошла, сегодня они – партнеры, но иметь такого партнера – все равно что ложиться спать с гремучей змеей под подушкой.

– Итак, – резюмировал Теймураз, – сегодня мы единогласно выбрали господина Реброва председателем совета учредителей.

Ответом ему было угрюмое молчание. Антон нажал кнопку переговорного устройства и произнес:

– Алиса, принесите, пожалуйста, кофе. Для всех участников совета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.